

ПЛЕХ Олеся Анатольевна / PLEKH Olesia

Институт российской истории РАН / The Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

plekh@mail.ru

ЧИСЛЕННОСТЬ СЛУЖАЩИХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

THE NUMBER OF EMPLOYEES IN OLONETS PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Abstract: The article deals with the quantitative values of the administration employees of Olonetsk province in the first half of the 19th century. Based on archival materials, the discovered that the number of employees under Alexander I decreased by half, and under Nicholas I increased almost four times. Generally, the growth of the administration employees from 1803 to 1850 estimated 52%. The analysis employees staff considering their organizational affiliation to allows us to see that the Central government sought to strengthen the personnel of administrative, police and financial institutions, giving priority to the latter. Based on the data presented in the article, the author concludes that during the studied period the personnel policy of the state has undergone qualitative changes. If in the first quarter of the 19th century central power sought to unify legal regulation, while not taking into account regional specifics of evolution of administrative staff, and this fact largely exacerbated personnel problems in Olonetsk province, in the second quarter of the 19th century, central power, while accepting the need to take into account regional specifics upon administering quality and structure of local civil institutions, was forced to initiate measures, aimed to overcome persistent lack of civil personnel. However, in the middle of the century, the number of staff positions in the Olonets province exceeded the number of those wishing to fill them in.

Ключевые слова / Keywords: Чиновничество, кадровый состав, гражданская служба, местное управление, провинция, Олонецкая губерния / Bureaucrasy, personnel, civil service, local government, province, Olonets province

Изучение бюрократического аппарата Российской империи, как центрального, так и местного, неизбежно сталкивает исследователей с проблемой определения его общей численности. Впервые этот вопрос был затронут в 1960–1980-е гг. в публикациях Н. Ф. Демидовой, С. М. Троицкого, Х.-Й. Торке, П. А. Зайончковского, Н. П. Ерошкина, которым удалось получить довольно точные данные на середину XVIII и середину XIX вв.¹ и примерные показатели, касающиеся

---

* Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-1194.2018.6).

¹ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 225, 239–240; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 176–177;

табельного чиновничества начала XIX в.² Однако в трудах указанных авторов практически не затрагивались вопросы, связанные с численностью служащих провинциальных учреждений. К ним обратились только в последние десятилетия и в рамках общих работ по истории государственного управления³, и в ходе изучения местного аппарата управления. При этом выявить источники, которые сообщили бы точные данные о численности провинциальных служащих первой половины XIX в., по сей день не удалось, а многочисленные диссертационные исследования по местному чиновничеству содержат лишь отрывочные данные по отдельным губерниям и регионам⁴. Кроме того, в литературе имеются значительные разночтения относительно методики расчета показателей, а терминологическая разногласица порождает путаницу при интерпретации данных.

Между тем интерес к численности государственного аппарата подогревается активно обсуждаемой проблемой недоуправляемости империей⁵. Этот тезис впервые был выдвинут зарубежными исследователями⁶, проводившими параллели между развитием Западной Европы и России. Они полагали, что недоуправляемость служила причиной отставания и медленной модернизации. При этом отмечалась и крайняя неравномерность распределения административных ресурсов на территории Российской империи⁷, что, в свою очередь, актуализирует проблему установления численности бюрократии в разных регионах.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67–71, 221.

² Torke H. J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1967. Bd. 13. S. 135; Pintner W. M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the 17th to the 20th century. Chapel Hill (N.C.), 1980. P. 192; Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М., 1981. С. 63.

³ В частности, Л. Ф. Писарькова установила, что в 1780-е гг. в местных учреждениях насчитывалось около 49 тыс. служащих; в ходе преобразований Павла I это число заметно сократилось и к 1801 г. не превышало 30–33 тыс. Подробнее см.: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 431–432, 506.

⁴ Вакилев Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. С. 310; Иванов В. А. Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX века // Отечественная история. 2007. № 5. С. 175–187; Мельникова И. Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. С. 120–127; Мерзлякова А. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 60–61; Поскачей Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006. С. 251, 255–258; Токмакова Ю. Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 34–37; и др.

⁵ Подробнее см.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 422–489.

⁶ См., например: Starr S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton (N.J.), 1972.

⁷ Velychenko S. The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Bd. 49. H. 3. S. 346–362.

В центре внимания настоящего исследования — служащие Олонецкой губернии первой половины XIX в.: численность и ее динамика. Документальную основу исследования составляют хорошо известные специалистам материалы архивной коллекции Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 1349), включающие материалы систематического учета чиновничества. Несмотря на то, что историки, занимающиеся проблемами кадрового обеспечения местных учреждений, активно обращаются к этим источникам, данные групповых формулярных списков чиновников Олонецкой губернии еще не вводились в научный оборот.

***

При изучении местного аппарата управления проблема определения его количественных показателей представляется одной из наиболее сложных. Как уже было сказано, историкам еще не удалось обнаружить документы, содержащие показатели численности служащих первой половины XIX в., что объясняется как недостаточной разработанностью источниковой базы, так и ее фрагментарностью⁸. Групповые формулярные списки из фондов РГИА также не могут сообщить точных показателей, поскольку в них предписывалось включать только служащих чиновников, а сведения о лицах, не имевших классных чинов (городские и сельские выборные, канцелярские служители), присылать не требовалось. Конечно, в отдельных случаях встречается информация и о канцелярских служителях, однако это следует расценивать как исключение. Поэтому при определении численности служащих наиболее предпочтительным представляется подход, уже апробированный на материалах Вологодской губернии⁹: сопоставление данных, полученных в результате обработки групповых формулярных списков, со штатными расписаниями, закреплявшими предполагаемый правительством состав местных учреждений. Следует, конечно, учитывать, что штаты, издававшиеся в первой четверти XIX в. фиксировали только должности присутствующих лиц и секретарей и не отражали численность канцелярских служителей. В процессе усложнения структуры местных учреждений в штатные расписания постепенно включались и канцелярские должности, однако и к середине века их список был неполным, а на протяжении всего изучаемого периода за управляющими учреждениями сохранялось право регулировать численность этих служащих «по мере надобности». Следовательно, предлагаемый подход не позволяет получить точные данные, однако

---

⁸ В частности, в региональных архивах делопроизводственная документация конца XVIII — первой половины XIX в. сохранилась довольно плохо, что во многом связано с неудовлетворительной организацией хранения архивных дел в дореволюционное время, а также кампанией «по разбору и уничтожению старых дел», проводившейся в губерниях с 1845 г. Подробнее см.: *Виноградова Т. В.* Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: дис. канд. ... ист. наук. М., 2004. С. 172–181.

⁹ *Плех О. А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 94–104.

дает возможность частично компенсировать пробелы, обнаруженные в основном источнике.

В ходе настоящего исследования изучены групповые формулярные списки за 1803, 1826, 1844 и 1850 гг.¹⁰ При выборе хронологических срезов учитывались, с одной стороны, полнота источников, а с другой — имеющиеся данные по другим губерниям Европейского Севера России (Архангельской и Вологодской), что создает основу для компаративного анализа¹¹. Групповой формулярный список, датированный 1803 г., — самый ранний, из представленных в фонде 1349 РГИА. Он включает не только чиновников, но и канцелярских служащих, что является большой редкостью для данного источника¹². По всей видимости, это список, в котором нашли отражение результаты укомплектования местных учреждений на момент восстановления губернии¹³. Групповые формулярные списки за 1826 и 1850 гг. позволяют судить о результатах кадровой политики правительств Александра I и Николая I. Однако и тот и другой списки содержат информацию только о чиновниках. В связи с этим еще были привлечены документы за 1844 г., которые, так же как и материалы 1803 г., включают полный состав служащих (и чиновников, и нечиновников). В таблице 1 представлены результаты обработки групповых формулярных списков.

Таблица 1

Численность служащих Олонецкой губернии по данным групповых формулярных списков

Год	Служащие в составе присутствий учреждений		Служащие в составе канцелярий учреждений				Всего	
			канцелярские чиновники		канцелярские служащие			
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1803	93	34,9	68	25,6	105	39,5	266	100
1826	90	85,7	15	14,3	0	0,0	105	100
1844	146	31,0	130	27,6	195	41,4	471	100
1850	164	40,3	239	58,7	4	1,0	407	100

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

¹¹ Результаты исследования по Архангельской и Вологодской губерниям частично отражены в диссертации и в ряде публикаций автора настоящей статьи.

¹² Здесь и далее понятия «чиновник», «канцелярский чиновник» и «канцелярский служащий» употребляются в соответствии со смысловым значением, которое они имели в изучаемую эпоху: чиновник — это лицо, имевшее классный чин; канцелярский чиновник — лицо, имевшее классный чин и состоявшее на канцелярской должности; канцелярский служащий — лицо, не имевшее классного чина и состоявшее на канцелярской должности.

¹³ Олонецкая губерния была упразднена при Павле I и восстановлена при Александре I по указу от 9 сентября 1801 г. «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам». См.: Полное собрание законов Российской империи: Собрание I (ПСЗ–I). Т. 26. № 20 004.

Примечание. Согласно действовавшему в изучаемый период законодательству, во внутреннем устройстве местных учреждений выделялись «руководящее» присутствие и подчиненная ему канцелярия. Присутствия формировались из лиц, назначаемых правительством, и выборных сословных представителей (дворянских, городских и сельских). Эти служащие в настоящей статье именуются присутствующими лицами. К ним также отнесены занимавшие близкие по значению должности специалисты: землемеры, лекари, архитекторы, гражданские инженеры, а также иные должности, не связанные с канцелярской работой (уездные казначеи, уездные стряпчие, городничие, частные приставы, чиновники особых поручений, соляные и винные приставы и т.п.). Лица, непосредственно занимавшиеся делопроизводственной работой, относятся к категории служащих канцелярий.

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Взятые за основу групповые формулярные списки были сопоставлены со сведениями, полученными в ходе изучения штатных расписаний, что позволило скорректировать показатели. Согласно групповому формулярному списку 1803 г., в Олонецкой губернии служило 266 человек, из которых 93, или 34,9%, занимали должности в присутствиях учреждений или относились к категории специалистов, а 173 (65,1%) — в канцеляриях; среди последних 68 человек (25,6%) являлись канцелярскими чиновниками, остальные 105 (39,5%) — канцелярскими служащими¹⁴. Отметим то, что в первое десятилетие XIX в. в Олонецкой губернии проводились дворянские выборы¹⁵, по результатам которых заполнялась 31 должность. Полный комплект «дворянских» выборных должностей был представлен в губернских судебных палатах, совестном суде и в учреждениях Вытегорского, Каргопольского и Лодейнопольского уездов; в Петрозаводском и Олонецком уездах действовал усеченный вариант выборного представительства, а в Пудожском и Повенецком уездах дворяне по выборам не служили.

Групповой формулярный список 1803 г. оказался неполным: в нем отсутствуют служащие врачебной управы и уездные лекари, губернский прокурор и стряпчие (всего 22 должности). Кроме того, не по всем учреждениям, включенным в список, имелся полный комплект служащих, и это, по всей видимости, связано с наличием вакантных мест (всего 10 должностей). Также в изучаемые списки никогда не попадали лица, служившие по городским и сельским выборам (в 1803 г. — 36 должностей)¹⁶. Итак, сравнение данных группового формулярного списка

¹⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175.

¹⁵ Благовещенский И. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск, 1907. С. 243–246.

¹⁶ Здесь и далее учитываются только городские и сельские выборные лица, входившие в состав присутствий губернских судебных учреждений, уездных и земских судов.

с действовавшим в этот период штатным расписанием от 31 июля 1802 г.¹⁷ позволило установить, что в начале XIX в. численность служащих Олонецкой губернии могла достигать 334 человек: 159, или 47,6%, «присутствующих» лиц и 175, или 52,4%, служащих канцелярий (см. табл. 2).

Групповой формулярный список за 1826 г. включает всего 105 чиновников¹⁸. При этом среди них насчитывается только 15 служащих канцелярий (все занимали секретарские должности). Сравнивая эти данные со штатными расписаниями¹⁹, находим, что по учреждениям, включенным в список, пропущено 150 должностей: 54 в присутствиях, в том числе 36 выборных городских и крестьянских, и 96 — в канцеляриях. Вовсе в список не попали служащие по лесному ведомству, уездные правления питейного сбора, соляные приставы, врачебная управа и уездные лекари (всего 69 должностей). Если объединить все эти данные, то получим, что в 1826 г. численность служащих Олонецкой губернии должна была составлять 324 человека: 212, или 65,4%, «присутствующих» лиц и 112, или 34,6%, служащих канцелярий. Учитывая, что штатные расписания первой четверти XIX в. практически не включали канцелярские должности (в частности, они были представлены лишь в обновленных в 1817–1823 гг. штатах финансовых учреждений), то следует полагать, что численность служащих канцелярий получилась заниженной (она, как минимум, не должна быть меньше, чем в 1803 г.). Однако при оценке этих показателей следует учитывать ситуацию, сложившуюся на практике в изучаемой губернии.

Известно, что в первой четверти XIX в., когда ассигнационный рубль сильно обесценился, а оклады для основной массы должностей оставались неизменными с момента их утверждения в начале века, материальное положение государственных служащих заметно ухудшилось. Олонецкая губерния, не имея собственных ресурсов для укомплектования аппарата управления, суровым климатом и дороговизной жизни не привлекала чиновников из других губерний²⁰. К 1820-м гг. ситуация усугубилась настолько, что многие должности пребывали незаполненными, хронический недостаток ощущался не только в канцелярских служителях, но и среди классных чиновников и специалистов. В 1824 г. Олонецкое губернское правление в своем представлении генерал-губернатору указывало, сколько в подведомственных ему присутственных местах не хватает канцелярских служителей: «в городнических правлениях Олонецком, Лодейнопольском, Каргопольском, Пудожском и Повенецком нет ни одного, у Петрозаводского ж и Вытегорского

¹⁷ ПСЗ–I. Т. 27. № 20 353.

¹⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314.

¹⁹ ПСЗ–I Т. 27. № 20 353; Т. 34. № 26 764; Т. 36. № 27 668; Т. 38. № 29 694; Т. 39. № 29 953; Т. 39. № 29 961.

²⁰ Подробнее см.: *Благовецкий П.* Образование Олонецкой губернии, управление ею за столетие (1802–1902) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С. 188.

только по одному человеку, и затем нужно для семи городничих 12 человек, для семи уездных судов вообще недостает 39, в дворянских опеках двух по протоколисту есть, а в прочих нет, каковых нужно пять, и в земских судах за наличными недостает еще шести, итого необходимо нужно бы иметь к замещению сих ваканциев 62 человека»²¹. Губернское правление указывало и на причины острой нехватки служащих: «за весьма малоположенною в жалованье и на расход на сии места суммою, никак нельзя убедить желающих к служению, ибо жалованье в сих местах канцелярским чинам и по удвоении определенных сумм с 1821 года не превышает каждому двухсот рублей, а нижние чины должны получать от 80 руб. до 100 руб.»²². Кроме того, пустовали секретарские должности в самом губернском правлении, казенной и гражданской палатах, в двух уездных и трех земских судах («по неимению» способных к занятию этих ответственных должностей чиновников)²³. Губернская администрация ходатайствовала о разрешении принимать на службу лиц «из свободных состояний податями обложенных», а также об установлении «некоторых особенных выгод» для изъявивших желание служить в Олонецкой губернии²⁴. Однако эта инициатива получила поддержку уже при Николае I: в 1826 г. было разрешено принимать «в канцелярское звание» людей податного состояния²⁵, а с 1828 г. стали вводиться льготы для лиц, желающих отправиться на службу в Олонецкую губернию²⁶.

Следовательно, результаты политики правительства Александра I были таковы, что в 1820-е гг. местные учреждения в изучаемой губернии функционировали в условиях кадрового голода. Учитывая это, крайне сложно определить даже примерную численность аппарата управления. Очевидно, что групповой формулярный список 1826 г. неполный, он не включал ряд учреждений и должностей, и, следовательно, количество служащих было несколько больше, чем 105 человек. Но в то же время многочисленные пропущенные должности по учреждениям, вошедшим в список, по всей видимости, пребывали вакантными. В связи с этим есть все основания полагать, что к 1826 г. реальная численность служащих в губернии сократилась почти в 2 раза.

Групповой формулярный список за 1844 г. также представляет собой редкий образец документа, включающий сведения и о чиновниках, и о канцелярских служащих. Всего в него включен 471 служащий: 272 чиновника, в том числе 130 канцелярских чиновников, и 199 лиц, не имевших чинов²⁷. Вакантными были

²¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1824. Д. 166. Л. 2 об.

²² Там же. Л. 2 об.–3.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 5.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи: Собрание II (ПСЗ–II). Т. 1. № 570.

²⁶ ПСЗ–II. Т. 3. № 2 394.

²⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450.

70 штатных мест (12 в присутствиях и 58 в канцеляриях). Не были учтены сведения о городских и сельских выборных лицах (34 должности). Кроме того, групповой формулярный список 1844 г. также оказался неполным: он не включал служащих по лесному ведомству, губернской строительной комиссии, губернского прокурора и стряпчих, губернского и уездных землемеров (45 должностей)²⁸. Следовательно, к середине 1840-х гг. численность служащих Олонецкой губернии могла достигать 620 человек (см. табл. 2).

Добиться такого роста аппарата управления удалось благодаря установлению льгот для лиц, желавших отправиться сюда на службу. Так, указы от 31 октября 1828 г. и 30 марта 1832 г.²⁹ рассматривались верховной властью лишь как временные меры, направленные на привлечение служащих, и были отменены в 1835 г.³⁰. К концу 1830-х гг. государство было вынуждено признать необходимым введение служебных привилегий на постоянной основе, что нашло закрепление сначала в указе от 29 апреля 1839 г.³¹, а затем — от 9 июня 1842 г.³² Кроме того, с 1838 г. на канцелярские должности в Олонецкую губернию стали направлять воспитанников из особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов (лица, выпущенные в звании младших писцов, обязаны были прослужить не менее 10 лет, старших — 8). В 1840-е гг. в губернию также командировались выпускники Александровского воспитательного заведения для бедных дворян Рязанской губернии³³. Эти меры привели к ощутимому притоку служащих, что отразилось, в первую очередь, на численности олонечкой бюрократии. Так, в групповом формулярном списке за 1844 г. насчитывалось 104 человека (т.е. 22,1% от всех учтенных лиц), воспользовавшихся льготами, а также 34 воспитанника (7,2%).

Групповой формулярный список за 1850 г. включает в основном чиновников (407 служащих, в том числе 238 канцелярских чиновников и 8 лиц, не имевших классных чинов: 4 специалиста и 4 канцелярских служителя)³⁴. В этих документах отсутствуют сведения о служащих по лесному ведомству, губернской комиссии народного продовольствия, губернском прокуроре и губернских стряпчих (25 должностей). По учреждениям, включенным в список, пропущены

---

²⁸ ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 2. № 14 105; Отд. 3. № 14 107, 14 108; Т. 16. Отд. 1. № 14 552; Т. 19. Отд. 2. № 17 657.

²⁹ ПСЗ–II. Т. 3. № 2 394; Т. 7. № 5 267.

³⁰ ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 1. № 8 164.

³¹ ПСЗ–II. Т. 14. Отд. 1. № 12 281.

³² ПСЗ–II. Т. 17. Отд. 1. № 15 731.

³³ *Благовещенский И.* Образование Олонецкой губернии, управление ее за столетие (1802–1902 гг.) существования // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С. 192–193.

³⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

192 должности: среди них 45 должностей в присутствиях, в том числе 30 выборных городских и крестьянских, и 147 в канцеляриях³⁵. Учитывая показатели за 1844 г., следует полагать, что из всей этой массы штатных единиц только часть, причем часть не столь большая (не более 25%), пустовала, а подавляющее большинство было занято канцелярскими служащими, которые в 1850 г. не попали в материалы учета. Определить точное количество последних не представляется возможным, однако следует предположить, что оно было довольно значительным. По материалам 1844 г. установлено, что среди служащих канцелярий 40% составляли канцелярские чиновники и 60% канцелярские служащие. К середине века, когда еще более ощутимыми были результаты действия указов 1839 и 1842 гг., которые, помимо прочего, давали преимущества при получении классовых чинов, численность лиц, воспользовавшихся льготами, заметно возросла (только среди чиновничества они составляли 31,2%). По всей видимости, вместе с этим увеличилась доля канцелярских чиновников и сократилась канцелярских служащих. Предположим, что их удельный вес выровнялся (50/50). В таком случае количество канцелярских служащих должно было приближаться к 238. Соответственно, общая численность служащих Олонецкой губернии могла увеличиться до 695 человек.

Таблица 2

Численность служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в.

Категория служащих		1803 г.		1844 г.		
		чел.	%	чел.	%	
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства*	92	27,5	183	29,5	
	по выборам	дворянства*	31	9,3	0	0,0
		купечества**	6	1,8	4	0,6
		крестьянства**	30	9,0	30	4,9
Служащие в составе канцелярий учреждений	канцелярские чиновники*	68	20,4	161	26,0	
	канцелярские служащие*	107	32,0	242	39,0	
Всего		334	100	620	100	

* Численность определена при сопоставлении данных из групповых формулярных списков и штатных расписаний.

** Численность определена по штатным расписаниям.

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; ПСЗ–I. Т. 27. № 20 353; Т. 44. Ч. 2. [К № 24 985]; ПСЗ–II. Т. 7. № 5 624; Т. 10. Отд. 2. № 8559; Т. 14. Отд. 1–2. № 12 169; Т. 15. Отд. 1–2. № 14 105; Отд. 1, 3. № 14 107, 14 108; Т. 16. Отд. 1–2. № 14552; Т. 19. Отд. 1–2. № 17 657.

В таблице 2 отражены результаты проведенных расчетов по 1803 и 1844 гг., поскольку именно за эти годы удалось определить численность служащих наиболее

³⁵ ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 2. № 14 105; Отд. 3. № 14 107; Т. 16. Отд. 1. № 14 552; Т. 19. Отд. 2. № 17 657; Т. 20. Отд. 1. № 18 608, 18 608; Т. 23. Отд. 2. № 22 768.

близко к реально существовавшей. Эти данные позволяют прийти к выводу, что за 40 лет аппарат управления Олонецкой губернии вырос почти в 2 раза. Чтобы понять, за счет усиления каких звеньев происходил этот рост, необходимо обратить внимание на распределение численности служащих по ведомствам.

Таблица 3

**Распределение численности служащих Олонецкой губернии по
ведомствам**

Министерство	Учреждения	1803 г.		1844 г.	
		чел.	%	чел.	%
внутренних дел	губернские	38	11,4	100	16,6
	уездные*	79	23,6	145	24,1
финансов	губернские	43	12,9	73	12,1
	уездные	36	10,8	57	9,5
юстиции	губернские	42	12,6	45	7,5
	уездные	96	28,7	104	17,3
государственных имуществ	губернские	—	—	43	7,2
	уездные	—	—	35	5,8
Всего		334	100	602	100

* По Министерству внутренних дел в категорию служащие уездных учреждений отнесены городнические правления.

Во избежание искажения общей динамики из расчетов по 1844 г. исключены работники канцелярий городских сословных учреждений, которые только с 1837 г. были отнесены к разряду государственных служащих и, соответственно, не учитывались при подготовке статистики за 1803 г.

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.—175; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.—644; Ч. 2. Л. 1 об.—450; ПСЗ—I. Т. 27. № 20 353; Т. 44. Ч. 2. [К № 24 985]; ПСЗ—II. Т. 7. №5 624; Т. 10. Отд. 2. № 8559; Т. 14. Отд. 1—2. № 12 169; Т. 15. Отд. 1—2. № 14 105; Отд. 1, 3. № 14 107, 14 108; Т. 16. Отд. 1—2. № 14552; Т. 19. Отд. 1—2. № 17 657.

Как видно из таблицы 3, рост не был равномерным. Если в 1803 г. наибольшим было представительство служащих учреждений Министерства юстиции (41,3%), то к 1844 г. на первое место вышли административно-полицейские (40,7%), а треть местного аппарата управления занимали финансовые учреждения (Министерство финансов — 21,5%, Министерство государственных имуществ — 13,0%), причем приоритет правительство отдавало последним. Это демонстрируют показатели прироста общей численности служащих: по финансовым учреждениям он составил 62,0%, по административно-полицейским — 52,2% и всего 7,4% по судебным.

В 1803 г. самыми крупными губернскими учреждениями являлись казенная палата (43 служащих) и губернское правление (29). В последующие десятилетия состав губернского правления был расширен в 2 раза (в 1844 г. — 64 служащих), но все равно уступал финансовым учреждениям. Так, в 1844 г. в казенной палате

служило 73 человека, а с 1839 г. в губернии начал работу еще один крупный финансовый орган — палата государственных имуществ (в 1844 г. — 43 служащих). Отметим также, что к 1844 г. среди губернских учреждений Министерства внутренних дел выделяются канцелярия губернатора, получившая после издания «Наказа губернаторам» 1837 г. «нормальный штат», и особые комиссии, созданные для решения конкретных административно-хозяйственных задач (губернская строительная комиссия, губернская комиссия народного продовольствия, губернская дорожная комиссия). В то же время на уездном уровне рост административно-полицейских учреждений происходил за счет увеличения наличных сил городской полиции (численность служащих городских правлений выросла с 15 до 32) и сельской (земских судов — с 57 до 104). Уездные казначейства за 40-летний период также пополнили состав (в 1803 г. — 22 служащих, в 1844 г. — 36), возросло число винных приставов (с 7 до 16 человек), а, кроме того, в 1839 г. открылись окружные управления ведомства государственных имуществ (в 1844 г. насчитывали 34 служащих). Совершенно иная динамика наблюдается у судебных учреждений. В 1803 г. губернские судебные палаты и совестный суд в общей сумме насчитывали 39 служащих, в 1844 — 38. Эта динамика, в первую очередь, связана с тем, что по указу от 9 ноября 1835 г. в Олонецкой губернии палата гражданского суда соединялась с уголовной палатой «в одно присутствие» под наименованием палаты гражданского и уголовного суда³⁶. По численности уездных служащих судебного ведомства также не наблюдалось роста: в 1803 г. в уездных судах и дворянских опеках состояло 82 служащих, в 1844 г. — 83. Некоторое увеличение показателей, представленное в таблице 3, связано с учреждением при уездных стряпчих «особых» канцелярий: указом от 21 июня 1837 г. в обязанность нижним присутственным местам вменялось «командировать для письмоводства к уездным стряпчим одного способного канцелярского служителя, по собственному их избранию»³⁷.

***

Проведенное исследование позволило увидеть особенности развития аппарата управления Олонецкой губернии. С одной стороны, численность бюрократии за изучаемый период увеличилась в 2 раза (с 1803 по 1850 г. рост составил около 52%), а с другой — этот процесс не был равномерным: за первую четверть XIX в. количество служащих в губернии сократилось в 2 раза и к 1826 г. каждая четвертая штатная чиновничья должность пребывала вакантной, а канцелярии присутственных мест оказались наполовину пустыми; во второй четверти XIX в. ситуация заметно улучшилась, с 1826 по 1844 г. количество служащих увеличилось почти в 4 раза.

³⁶ ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 2. № 8 559.

³⁷ ПСЗ–II. Т. 12. Отд. 1. № 10 356.

Представленная динамика численности служащих с учетом их ведомственной принадлежности дает основание утверждать, что центральное правительство, в первую очередь, стремилось к усилению кадрового состава административно-полицейских и финансовых учреждений, при этом наибольшее внимание уделялось последним, что свидетельствует о приоритетных задачах государства в системе местного управления: поддержание общественного порядка и безопасности, обеспечение сохранности казенного имущества и налоговых поступлений.

Подводя итоги, следует отметить, что в первой половине XIX в. кадровая политика в сфере местного управления претерпела качественные изменения. Правительство Александра I стремилось к унификации правового регулирования, допуская лишь самые вынужденные отступления от общих норм и не учитывая региональную специфику. Для Олонецкой губернии, всегда испытывавшей трудности в наполнении присутственных мест, такой подход обернулся не только острой нехваткой рядовых канцелярских служащих (недостаток которых ощущался во многих губерниях), но и отсутствием желающих занять штатные чиновничьи должности. Во второй четверти XIX в. верховная власть была вынуждена обратить более пристальное внимание на положение Олонецкой губернии и признать необходимость учета территориальных особенностей при регулировании численности и состава ее учреждений. Благодаря комплексу мероприятий, направленному как на подготовку служащих, так и на их привлечение из других губерний, в целом удалось преодолеть хронический дефицит кадров, однако и в середине века число штатных должностей превышало количество желающих их заполнить.

Список литературы

Благовещенский, И. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии / И. Благовещенский // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. — Петрозаводск : Олонецкая губ. тип., 1907. — С. 243–259.

Вакилев, Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Вакилев. — Пенза, 2017. — 370 с.

Виноградова, Т. В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: дис. канд. ... ист. наук / Т. В. Виноградова. — Москва, 2004. — 214 с.

Демидова, Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. / Н. Ф. Демидова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) / отв. ред. Н. М. Дружинин. — Москва : Наука, 1964. — С. 206–242.

Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. — Москва : Мысль, 1981. — 252 с.

Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. Москва : Мысль, 1978. 288 с.

Иванов, В. А. Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX века / В. А. Иванов // Отечественная история. — 2007. — № 5. — С. 175–187.

Мельникова, И. Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук / И. Г. Мельникова. — Ярославль, 2010. — 272 с.

Мерзлякова, Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дис. ... канд. ист. наук / Л. В. Мерзлякова. — Ижевск, 1997. — 228 с.

Мионов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2 / Б. Н. Мионов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2015. — 912 с.

Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы / Л. Ф. Писарькова. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 743 с.

Плех, О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук / О. А. Плех. — Москва, 2016. — 400 с.

Поскачей, Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII–первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): дис. ... канд. ист. наук Т. А. Поскачей. — Рязань, 2006. — 261 с.

Токмакова, Ю. Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук / Ю. Н. Токмакова. — Курск, 2011. — 190 с.

Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии / С. М. Троицкий. — Москва : Наука, 1974. — 395 с.

Pintner, W. M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 / W. M. Pintner // Russian Officialdom : the Bureaucratization of Russ. Soc. from the Seventeenth to the Twentieth Century / ed. by Walter McKenzie Pintner and Don Karl Rowney ; contributors: Helju Aulik Bennett et al. — Chapel Hill : Univ. of North Carolina press, 1980. — P. 190–226.

Starr, S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870 / S. F. Starr. Princeton. — N. J. : Princeton Univ. Press, 1972. — 386 p.

Torke, H. J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / H. J. Torke // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. — 1967. — Bd. 13. — S. 7–345.

Velychenko, S. The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective / S. Velychenko // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 2001. — Bd. 49, H. 3. — S. 346–362.